

Петр Могила. Евхологион. Киев, 1646
Копия из архива автора
Peter Mogila. Euchologion. Kyiv, 1646

Problema voluminis

ЦЕРКОВЬ – ВЛАСТЬ – ЛИЧНОСТЬ
«АГЕНТЫ ВЛИЯНИЯ» В ИСКУССТВЕ

CHURCH – POWER – INDIVIDUAL

DOI 10.15826/qr.2025.1.952

УДК 655(470.23-5) + 94(470)"16" + 070.1 + 82.091 + 81'25 + 27.528 + 27-772

ПетрМогила(477) + 002.2(09)

Доктринальные и дисциплинарные наставления духовенства в книгоиздательской практике Московского печатного двора XVII в.*

Наталья Савельева

Институт русской литературы (Пушкинский Дом) РАН,
Санкт-Петербург, Россия

Doctrinal and Disciplinary Education of the Clergy in the Publishing Practice of the Moscow Print Yard in the 17th Century

Natalya Savelyeva

Institute of Russian Literature (Pushkin House)
of the Russian Academy of Sciences,
St Petersburg, Russia

This article analyses the process underlying the formation of the Moscow tradition of doctrinal and disciplinary education of the clergy, which is associated with the publishing policy of the Print Yard in the mid- to late seventeenth century. Behind this process were the people who managed Moscow book publishing and directly participated in the preparation of new books, from Patriarch Joseph, Stefan Vnifantiev and the editors who worked with them, to Patriarch Joachim and Evfimy Chudovsky. The purpose of the study is to demonstrate the common search for ways of religious education of the clergy through the publication of teaching and service books in the mid- to late seventeenth century. The study refers to books published and prepared for publication at the Print Yard. In terms of content, these are either creations of catechetical education and moral and ethical edification of

* *Citation*: Savelyeva, N. (2025). Doctrinal and Disciplinary Education of the Clergy in the Publishing Practice of the Moscow Print Yard in the 17th Century. In *Quaestio Rossica*. Vol. 13, № 1. P. 21–42. DOI 10.15826/qr.2025.1.952.

Цитирование: Savelyeva N. Doctrinal and Disciplinary Education of the Clergy in the Publishing Practice of the Moscow Print Yard in the 17th Century // *Quaestio Rossica*. 2025. Vol. 13, № 1. P. 21–42. DOI 10.15826/qr.2025.1.952 / Савельева Н. Доктринальные и дисциплинарные наставления духовенства в книгоиздательской практике Московского печатного двора XVII в. // *Quaestio Rossica*. 2025. Т. 13, № 1. С. 21–42. DOI 10.15826/qr.2025.1.952.

the clergy, or service regulations emphasising the role of priests in determining and accurately forming church rules and, ultimately, in establishing the saving path of each parishioner: *Alpha and Omega* (1647–1652), *Pouchenie svyatitel'skoe novopostavlennomu iereyu* (*Precepts of the Prelate to a Newly Ordained Priest*) (1649), *Izvestie uchitel'noe* (*Teaching Notice*) (1699), and service and prayer books (1646–1699). Regardless of the time and specific circumstances of their introduction into Moscow books, all new texts were characterised by the unity of the concept and the creators' appeal to the mediation of the southwestern Russian book tradition in the formation of a new Moscow theology based on the possession of free knowledge and its embodiment in service practice. The author highlights the special significance of the *Trebnik* (prayer book) of the Kyiv Metropolitan Peter Mogila published in 1646. The book served as a source for Moscow publications. An analysis of new texts in not only didactic and canonical collections but also liturgical books makes it possible to establish extracts from this compendium in Moscow publications of the mid-seventeenth century, issued under the patronage of Stefan Vnifantiev, which has never been done previously. Additionally, the author reveals direct parallels in content and composition, as well as verbatim coincidences in quotations of this source between disciplinary and didactic texts and the instruction to the clergy created by Evfimy Chudovsky. The study of the presented materials helps draw a general conclusion about the unity and continuity of the line of disciplinary and doctrinal education of the clergy through an appeal to a neighbouring, spiritually and confessionally close tradition, despite all the peculiarities of its formation. At each stage of this movement, questions of the legitimacy of religious practices and the service texts supporting these practices, published in Ukrainian and Belarusian printing houses, inevitably arose. However, these questions were skilfully removed both by the bearers of this tradition and by the Moscow conductors of the southwestern Russian religious culture, who sought to find convincing and sometimes compromising ways of bringing new material to their readers.

Keywords: 17th century, Moscow Print Yard, religious culture, church practice, liturgical books, southwestern Russian book tradition, Peter Mogila

Анализируется процесс формирования московской традиции доктринально-го просвещения и дисциплинарного наставления клириков, который связан с издательской политикой Печатного двора середины – конца XVII в. За этим процессом стояли лица, осуществлявшие руководство московским книго-издательством и непосредственно участвовавшие в подготовке новых книг, от патриарха Иосифа, Стефана Внифантьева и работавших с ними справщиков до патриарха Иоакима и Евфимия Чудовского. Цель исследования – продемонстрировать общность поисков путей религиозного просвещения клира через публикацию учительных и служебных книг в середине – конце XVII в. Материалом послужили изданные и готовившиеся к публикации на Печатном дворе книги, в которые включались тексты, адресованные церковнослужителям. По содержанию это либо образцы катехизического просвещения и морально-этического назидания клириков, либо служебные регламентации, акцентирующие роль священника в понимании и точности исполнения церковного правила и в конечном итоге – в становлении спаси-

тельного пути каждого прихожанина: «Альфа и Омега» (1647–1652), «Поучение святительское новопоставленному иерею» (1649), «Известие учительное» (1699), служебники и требники (1646–1699). Все новые тексты, независимо от времени и конкретных обстоятельств введения их в московские книги, объединяли единство замысла и обращение создателей к посредничеству югозападнорусской книжной традиции в формировании основанного на обладании свободным знанием московского богословия и его воплощении в служебной практике. Отмечается особое значение вышедшего в 1646 г. Требника киевского митрополита Петра Могилы. Книга послужила источником для московских публикаций. Анализ новых текстов в составе не только учительных и канонических сборников, но и богослужебных книг позволил установить извлечения из этого компендиума в московских изданиях середины XVII в., выпущенных под патронажем Стефана Внифантьева. Выявлены прямые параллели к содержанию и композиции, а также дословные совпадения в цитации этого источника между дисциплинарно-учительными текстами и поучением клирикам, созданным Евфимием Чудовским. Исследование представленных материалов позволило сделать заключение о единстве и непрерывности линии дисциплинарного и доктринального просвещения клира через апелляцию к соседней духовно и конфессионально близкой традиции, несмотря на все особенности ее формирования. На каждом этапе этого движения возникали вопросы легитимности вероисповедных практик и обеспечивавших эти практики служебных текстов, изданных в украинских и белорусских типографиях. Но эти вопросы искусно снимались как носителями этой традиции, так и московскими проводниками югозападнорусской религиозной культуры, которые стремились найти убедительные и подчас компромиссные способы доведения нового материала до читателей.

Ключевые слова: XVII век, Московский печатный двор, религиозная культура, церковная практика, богослужебные книги, югозападнорусская книжная традиция, Петр Могила

История вестернизации русского общества в XVII в. ассоциируется преимущественно с придворной культурой в ее разнообразных проявлениях, с прогрессивной либо консервативной позицией правящего государя, с новациями в образовательном процессе последней четверти XVII в. и в литературной культуре этого времени. В меньшей степени обращение России к западным традициям связывается в обычном представлении с преобразованиями в религиозной сфере, напротив, позиция церковной власти, декларирующая защиту конфессиональных устоев русского общества, традиционно считается консервативно-противоположной деяниям власти государя, что в конечном итоге влияет на актуальную для России XVII в. проблему противостояния священства и царства.

За этой упрощенной формулой взаимоотношений двух сторон русской государственности стоит реальная жизнь в ее многообразных и противоречивых проявлениях, нарушающих эту дихотомию

[Живов, с. 7–34]. Одно из таких проявлений – изменения традиционных методов религиозного воспитания общества, связанные с процессами катехизации и дисциплинарного наставления священства. Обе стороны, светская и духовная, царская и церковная, каждая со своей целью, обращаются к одному источнику – польской культурной традиции, при том, что Польша являлась более транслятором образцов европейской культуры, чем их создателем. При этом апелляция церковных просветителей к латинской учености оказывается отчасти более ранней, чем массовое проявление влияний европейской моды в светских кругах Москвы, она начинается задолго до присоединения восточных территорий Речи Посполитой к Московскому государству и приобщения к московской православной культуре ученых монахов, получивших европейское образование. Обращение к украинно-белорусской книжной традиции становится особенно интенсивным к середине 40-х гг. XVII в. и связано с усилением реформаторских устремлений московского кружка «ревнителей благочестия»; этот процесс не прекращается на протяжении всего XVII в.

«Известие учителное, како иерею и диакону служение в церкви святей совершати...»¹ – руководство для священнослужителей, расписывающее подробно все детали подготовки священника к таинству евхаристии, практику самого совершения таинства и действия клира в особых, не регламентированных уставом случаях. Текст впервые был напечатан в составе московского издания Служебника 1699 г. на листах особого счета в конце книги [Служебник, 1699. Л. 1–39 5-го счета; Зернова, с. 134, № 488] и воспроизводился почти во всех изданиях Служебника в XVIII–XIX вв. [Петровский, с. 552–553; Гусева, с. 395–405, № 1499–1527]; приложение печатается и в современных служебниках Московской патриархии [см., например: Служебник, 2023, с. 520–553].

Первой московской публикации «Известия» предшествовала его допечатная история, связанная с литературной деятельностью чудовского монаха Евфимия, придворного переводчика и публициста, редактора Московского печатного двора². По свидетельству предисловия к допечатному варианту «Известия», поводом для его создания послужило намерение патриарха Иоакима выпустить сочинение, предназначенное для священников и дьяконов, которые, «получив чин священства», должны были знать, как отправлять службу в особых, не прописанных в уставе случаях, и которые могли бы ответить на все вопросы прихожан, желающих «истинно ведети о церкви и церковных»; текст следовало представить Московскому собору и после соборного свидетельствования напечатать «во общую пользу» [Горский, Невоструев, с. 451–452; Петровский, с. 564]. Результатом исполнения

¹ Здесь и далее рукописные и старопечатные кириллические источники цитируются по правилам современной орфографии, выносные буквы вносятся в строку, вышедшие из употребления буквы заменяются.

² Основные сведения и библиографию о жизни и творчестве Евфимия Чудовского см.: [Исаченко-Лисовая, с. 287–296; Буланin, 2004, с. 695–698].

этого намерения патриарха стала компиляция «Воумление от архиерея чинному служению божественныя литургии и иных нуждных случаев...», которая была собрана в самом конце 80-х – начале 90-х гг. XVII в. любимцем патриарха Иоакима Евфимием Чудовским «от книг киевских, и белорусских, и иных»³. Кончина патриарха Иоакима в 1690 г., когда текст еще не был завершен («еще сему собранию не свершившуся» [ГИМ. Син. 433 (297). Л. 9]), прервала его участие в дальнейшем продвижении сочинения к изданию, не состоялось соборное прочтение «Воумления» и при патриархе Адриане, хотя, по свидетельству предисловия, готовый текст «по особне и мнозии чтоша» [Там же. Л. 9].

Предисловие к «Воумлению» объясняет задержку публикации до 1699 г. недосугом и многолетней болезнью патриарха Адриана, но причина кроется скорее в ином. Сомнения консервативно настроенного патриарха и соборных архиереев могли быть вызваны использованием в сочинении Евфимия украинских и белорусских книг, тем более, что за этим указанием предисловия фактически скрывался Требник, созданный по инициативе и под руководством Петра Могилы [Евхологион]. Компендиум Киевского митрополита, в который были включены заимствования из католических пособий и указания из униатского виленского Служебника 1617 г., в состав которого вошли чины, не имевшие аналогов в православной традиции и созданные по образцу чинопоследований из «*Rituale Romanum Pauli V Pontificis Maximi iussu editum*» (Romae, 1614), был осужден наряду с другими киевскими изданиями и запрещен в московском хождении Собором 1690 г., созванным патриархом Иоакимом для обличения хлебопклонной ереси [Булычев, с. 143; Флоря, Тимошенко, с. 575–578]. Этот собор стал последним деянием Иоакима в защиту чистоты российского православия; вскоре после него патриарх скончался. Его преемник патриарх Адриан также был поборником чистоты веры и, несмотря на благожелательное и внешне покровительственное отношение к положению дел в Киевской митрополии, стремился держать под контролем издания лаврской типографии и распространение киевских сочинений в Москве [Скворцов, с. 122–166; Живов, с. 21–34]. Тем не менее, труд Петра Могилы лег в основу компиляции Евфимия Чудовского. Многочисленные выписки из Требника воспроизводятся почти всегда дословно при редактировании чинопоследований, противоречащих православному служению⁴.

Обращение Евфимия Чудовского к югозападнорусским изданиям, особенно в период обострившихся споров о времени пресуществления святых даров и о прочих латинских влияниях на православную

³ «Воумление» сохранилось в трех списках (ГИМ. Син. 683 (296), 433 (297), 567 (298)), из которых наиболее ранний вариант представлен в рукописи Син. 567 (298), а позднейшая редакция – в списке Син. 433 (297) [Горский, Невоструев, с. 448–461].

⁴ Анализ заимствований и исключений из Требника см.: [Горский, Невоструев, с. 454–456; Петровский, с. 565–567].

церковь, было весьма смелым, но отнюдь не исключительным случаем. Как и его патрон патриарх Иоаким, Евфимий ценил ученость и стремился найти допустимый компромисс между знанием, невозможным без апелляции к латинской схоластике, и чистотой православной веры. Ученый монах, имевший репутацию грекофила и сторонника самых консервативных взглядов на богословие и церковную практику, сам был учеником и сподвижником киевлянина Епифания Славинецкого и в своих сочинениях опирался на труды украинских и белорусских типографов, не гнушался книгами европейских издателей и переводил с латыни [см., например: Корзо, 2014, с. 88–98]. Перевод пространного катехизиса Петра Могилы с грекоязычного амстердамского издания 1667 г., напечатанный в Москве в 1696 г. [Петр Могила; Зернова, с. 130. № 470], оказался единственным прижизненным изданием труда Евфимия Чудовского, хотя и его работа над «Воумлением» не пропала даром. Значительно трансформированный, с дополнениями, сокращениями и поправками [Петровский, с. 567–572], вариант текста, так и не освидетельствованный собором, был издан на рубеже веков под заглавием «Известие учительное» в одном блоке с «Правилom готовящимся служить и хотящим причаститься святых тайн», правилом о поклонах и келейными правилами «умеющим» и «неумеющим» грамоте.

Апелляция Евфимия Чудовского к югозападнорусской богословской традиции, выполнявшей посредническую роль в освоении московским обществом нового богословия, чуждого начетничества и основанного на обладании знанием и применении плодов латинской учености, отразила всю сложность и нелинейность религиозно-культурного пространства пограничного периода, предшествовавшего петровским церковным преобразованиям, который не вписывается в архаичные представления о дихтомии латинствующих и грекофилов [Буланин, 2012, с. 168–174] (новейший историографический обзор и библиографию см.: [Хриссидис, с. 15–40, 385–431]). В противостоянии великорусской и югозападнорусской церковных традиций «было много неоднозначного и не укладывающегося в простые оппозиции клерикально-секулярного, обскурантско-просвещенного, Востока – Запада», но отражавшего «многообразие линий разделения, идущих наперерез друг другу и образующих сложный рисунок, на котором каждая позиция складывается из нескольких плохо согласующихся друг с другом компонентов» [Живов, с. 23]. Такое многообразие точек пересечения двух традиций было присуще всей истории поисков путей просвещения общества и способов упорядочения богослужебной практики, начавшейся в 40-е гг. XVII в. и формально прерванной нарочитой декларацией обращения к христианскому Востоку реформ патриарха Никона, при том, что посредническая роль югозападнорусской традиции оставалась актуальной и для никоновской книжной sprawy [Дмитриевский]. На каждом отрезке этого движения неизбежно возникали вопросы легитимности вероисповедных практик и обеспечивавших эти практики служебных текстов, изданных

в украинских и белорусских типографиях. Иллюстрацией циклического развития отношений двух традиций могут служить параллели к истории с замыслом, созданием и изданием «Известия учительного», которые обнаруживаются в религиозно-культурной ситуации другого пограничного времени – периода, предшествующего реформе патриарха Никона. В кругах московской просвещенной элиты функционировало наследие югозападной русской книжности, в частности, труды Киевского митрополита Петра Могилы.

В итоговой рукописи «Воумления» [ГИМ. Син. 433 (297)] основному тексту предшествует статья «Вопросы от архиерея к хотящим хиротонисаться в чин священства». В ней от лица патриарха указываются книги, необходимые к прочтению священникам, в том числе готовящиеся к изданию «Воумление» [Петровский, с. 452–453]. Компиляция Евфимия Чудовского создавалась, судя по всему, в качестве нового обстоятельного, насыщенного богословскими толкованиями и актуальными практическими регламентациями дополнения к «Поучению святительскому новопоставленному иерею» – тексту, связанному с чином хиротонии, имевшему многовековую рукописную традицию и начиная с 1649 г. неоднократно издававшегося в Москве в XVII–XIX вв. [Зернова, с. 72, 99, 109, 116, 131; № 228, 330, 373, 402, 474]⁵.

«Поучение святительское новопоставленному иерею» декларирует нравственные качества поставляемого в священник сан и свод навыков, сведений и умений для кандидата, который должен соответствовать определенному образовательному цензу: грамотность, знание церковных книг и церковных правил, утвержденных соборами. Нравственные и образовательные предписания составляли моральный облик кандидата, ему возбранялись чтение запретных книг, обращение к языческим обрядам и участие в мирских играх и праздниках. Списки «Поучения святительского» помещались в составе номоканонов и кормчих, то есть переписывались в контексте, регламентирующем общецерковные и литургические практики. Актуализация поучения в середине XVII в., следствием которой стало московское издание 1649 г., вполне соответствовала духу времени и стремлению представителей светских и церковных кругов, приближенных к царю Алексею Михайловичу, к нравственному и катехизическому наставлению духовенства и паствы. Необходимость богословско-догматического просвещения общества явственно обозначилась в событиях, связанных с неудачной попыткой заключения династического брака царевны Ирины Михайловны и датского королевича Вальдемара, а духовно-нравственное воспитание клира и паствы диктовалась падением аскетических устоев не только в церковно-приходской жизни, но и в монастырях.

⁵ О первом издании поучения см.: [Вознесенский, 2012, с. 39–52], здесь же – основная библиография по литературной традиции, рукописной и печатной истории текста; основные сведения о позднейших изданиях сочинения см.: [Гусева, с. 308–309, № 1131–1142].

Особый статус в борьбе за искоренение доктринального невежества прихожан и церковного неблагочиния приобретает Московский печатный двор, в изданиях которого с середины 40-х гг. XVII в. начинается все более интенсивное тиражирование текстов и регламентаций означенного направления. Деятельность Печатного двора была в эти годы ознаменована прямым руководством патриарха Иосифа, при котором он стал не только успешным предприятием по снабжению церковных приходов и монастырей унифицированными справными текстами богослужебных книг, но и несомненной культурной доминантой России, местом, с которым была связана деятельность наиболее ярких представителей просвещенных кругов. В первую очередь это были сотрудники сложившейся в окружении патриарха Иосифа корпорации справщиков, которые числились в штате типографии и трудились над книжной сверкой и редактурой. К работе также привлекались образованные начитанные иноки из книжных центров, в том числе из отдаленных монастырей, обладавших большими библиотеками⁶.

В последние годы жизни патриарха Иосифа все большее участие в работе типографии начинает принимать и фактически осуществлять руководство над московским книгоиздательством царский духовник Стефан Внифантьев [Николаевский, с. 163–186; Дмитриевский, с. 39–41; Румянцева, с. 42–52]. Возглавляя московскую ветвь кружка «ревнителей древлего благочестия», он проводил через издания Печатного двора идеи по реформированию русского общества и особенно решительно приветствовал введение в московскую культуру трудов украинских и белорусских книжников. Стремление «ревнителей благочестия» к изменению нравственных устоев общества, к буквальному оцерковлению жизни не только насельников монастырей, но и приходской паствы разделяли и некоторые справщики (Иван Шевелев Наседка, Шестак Мартемьянов), которые трудились над изданиями этого времени, в том числе над текстами, отвечавшими идеям Стефана Внифантьева и его сподвижников из церковных и светских кругов [Савельева, 2021].

Наиболее отчетливо этот новый период в истории дореформенного Печатного двора обозначился с конца 1647 г. Под патронажем Стефана Внифантьева была подготовлена и издана «Книга о вере» (1648) западнорусского автора, игумена Бизюкова Крестовоздвиженского монастыря Гедеона, доступно и обстоятельно излагающая основы православной доктрины. В это же время велась работа над изданием второй книги иеромонаха Гедеона «Альфа и Омега», были подготовлены авторский перевод и адаптация ее западнорусского варианта для московской публикации [Савельева, 2022а, с. 1470–1474]⁷.

⁶ Обзор и основную библиографию по теме см.: [Савельева, 2022а, с. 1463–1482].

⁷ Работа над изданием второй книги в Москве была остановлена, очевидно, в 1652 г., но два авторских варианта сборника сохранились в списках и были напечатаны впоследствии старообрядческими типографиями: первый вариант – [Альфа и Омега, 1786]; второй, готовившийся к печати в Москве – [Альфа и Омега, 1788].

Оба сборника не только явили собой первый случай обращения московских типографов к самостоятельным компиляциям западноевропейского автора, но и значительно расширили число югозападнорусских авторских текстов и переводов в круг чтения московских книжников, многие из этих текстов, в том числе острожские переводы с греческих рукописей и венецианских изданий, впоследствии были напечатаны в Москве в редакциях никоновских справщиков [Савельева, 2022а; Савельева, 2022б].

В этом ряду появляется первое московское издание «Поучения святительского новопоставленному иерею», которое по целям публикации и особенностям состава брошюры может рассматриваться как предвестник «Известия учительного», напечатанного в конце XVII в. Работа над изданием была начата 25 июля 1649 г.; весь тираж (1200 экз.) по выходе из печати сразу был отправлен патриарху Иосифу [Лукьянова, с. 309, № 34]. Это, по мнению А. В. Вознесенского, служит прямым указанием на то, что именно Иосиф был заказчиком издания [Вознесенский, 2012, с. 39–40, 51]. Но особенности напечатанного текста позволяют предполагать, что публикация «Поучения» была осуществлена не без участия Стефана Внифантьева, взгляды которого на общее положение дел в церкви до определенных моментов были вполне согласны с позицией патриарха Иосифа, отличаясь лишь большим радикализмом в вопросе о единогласии и большей свободой в обращении к югозападнорусской книжной продукции.

При подготовке к изданию текст «Поучения святительского» подвергся редактуре, в частности, раздел о недопущении разговоров в церкви был распространен цитатой из 24-й беседы Иоанна Златоуста на Деяния апостолов [Вознесенский, 2012, с. 47; см. также: Иоанн Златоуст, С. 236–237]. Цитата заимствована из только что вышедшей в Москве «Книги о вере», о чем свидетельствуют ссылка в «Поучении», дословно воспроизводящая текст иеромонаха Гедеона, а также соответствующие варианту «Книги о вере» сокращения источника [Книга о вере, л. 145 об. – 146].

Перед нами не первый случай цитирования «Книги о вере» в московском издании этого времени: ранее в предисловии к Октоиху, напечатанному в январе 1649 г., цитата из «Книги о вере» была не только вставлена в текст, но и помечена маргиналией на полях [Октоих, л. 9]. Это цитирование выступает своего рода маркером авторской и издательской работы сочувствующих «ревнителям благочестия» справщиков – предисловие «О церковном благочинном пении и о единогласии» было специально подготовлено для издания Октоиха в окружении и под руководством Стефана Внифантьева [Савельева, 2021, с. 76]. В сентябре 1649 г. на Печатном дворе началась работа по изданию Кормчей, над которой изначально трудились те же справщики (в частности, Шестак Мартемьянов). Вполне закономерно, что «Поучение» было включено в состав Кормчей (гл. 60) в «печатной» редакции, распространенной указанной цитатой, с теми же,

что в отдельном издании, церковным правилом и святительским отпуском [Белякова, Мошкова, Опарина, с. 242–243]⁸.

Особенность «Поучения святительского» в издании 1649 г. заключается и в служебном дополнении, сопровождающем основной текст. Статья напечатана на отдельной тетради с выделенным кинорарью заглавием «Подобает убо ведати и се, како подобает иерею к божественей службе предъуготовлятися» [Поучение святительское новопоставленному иерею, л. 10–[13]]. Текст представляет собой последование к святому причащению для клирика, готовящегося служить литургию, и содержит изложение келейного правила служения павечерницы, полунощницы и затем церковного служения утрени, часов причастных и службы причастной по часам, с псалмами, каноном и молитвами «по чину». Судя по особенностям набора (17 строк вместо 16 основного блока издания; нумерация только первого (л. 10) из четырех добавленных листов), текст готовился отдельно после завершения работы над брошюрой. Несомненно, он был допечатан специально для этого издания, поскольку наличествует по крайней мере в двух его экземплярах из собрания ОРК РНБ (III.6.21^a и III.6.21^b); ни одно из последующих изданий «Поучения» этого добавления не содержит.

Дополнение не только имело тематическую связь с основным текстом публикации, но и отвечало общей задаче книгоиздательской программы середины 40-х – начала 50-х гг., сопровождая нравственно-дисциплинарные указания «Поучения» разделом практической регламентации, правилам которой должен следовать церковный служитель. Эта регламентация органично вписывается в московскую программу последовательного трансформирования составов и редакций основных богослужебных книг с целью укрепить и упорядочить каноническое отправление службы прежде всего в приходских храмах. Новации, направленные на укрепление нравов духовенства и повышение богослужебной дисциплины, вводились при подготовке новых изданий служебников и требников – самых необходимых и обязательных к исполнению в повседневном обиходе книг.

Впервые наиболее отчетливо они прослеживаются в расширении состава московского Служебника 1646 г. В этом издании появляются обращенные к священникам нравоучительные статьи и компиляции из разных источников, обличающие отступления от канонических церковных правил и апостольских предписаний в церковном служении. Так, в изложении чинопоследования литургии Иоанна Златоуста перед началом Дитаксиса Филофея напечатано поучение священни-

⁸ Авторитет «Книги о вере» признавался и патриархом Никоном, разделявшим в дореформенный период позиции московских боголюбцев. Не случайно по инициативе нового патриарха Кормчая уже после ее набора и соборного свидетельствования была дополнена «Сказанием об учреждении патриаршества» (гл. 10) с введенным в него из «Книги о вере» рассказом о крещении Руси [Белякова, Мошкова, Опарина, с. 204, 276–289].

кам («Внемли себе, о иерею...» [Служебник, 1646, л. 66 об.]), традиционно причисляемое к трудам Василия Великого и обычное для составов украинских и белорусских изданий Служебника, а в конце добавлены две компиляции, собранные, по-видимому, специально для этого издания из апостольских правил, святоотеческих поучений и иных, в том числе русских источников: 1) «Избрание от божественных писаний... яко не подобает брак составлять с безчином и глумотворством, и всякими бесовскими ухищрениями» [Там же, л. 609] – статья направлена на обличение внецерковной народной свадебной обрядности; 2) Слово «о том, еже православным христианом брад не брети» [Там же, л. 619 об.] – полемическая компиляция, обличающая латинские обряды и обычаи, с отсылками к житиям виленских мучеников, св. Исидора Юрьевского и с выдержками из Соборного уложения 1620 г. С целью укрепления церковной дисциплины и ответственности клира за исполнение обряда в Служебнике 1646 г. было расширено описание приготовления священника к литургии и впервые кодифицирована обязательная практика причастных часов, совершаемых священником после утрени [Там же, л. 88 об.]⁹.

Дальнейшие усилия издателей, направленные на акцентуацию значения духовенства в спасительной доктрине и особой ответственности священника за точность в отправлении церковного правила, были продолжены в изданиях Служебника и Требника 1651 г. Из предшествующего издания 1646 г. в Служебник перешла кодификация причастных часов, но до этого соответствующее предписание, дословно совпадающее с изданиями 1651 г., было помещено и в статье, сопровождающей публикацию «Поучения святительского»¹⁰. Основное направление редактирования и дополнения статей Служебника 1651 г. – это запрет в церковном обиходе многоголосия, ведущего к сокращению и упрощению службы. Фактически этот Служебник подвел итог противостоянию царя и патриарха в вопросах о единоголосном пении и церковном благочинии, утвердив позицию Стефана Внифантьева и его сподвижников и обозначив тем самым главенство боголюбцев в московском книгопечатном деле.

В реализации издательских замыслов московских «ревнителей благочестия» особенно заметно усилилась роль продукции украинских и белорусских типографий. Это касалось в том числе и богослужебных книг, правленных по современным европейским изданиям и имевших неоднозначную репутацию в московском обществе. Обращение боголюбцев к традициям югозападнорусской книжной культуры не было случайным, осторожное отношение к приезжав-

⁹ Обстоятельную характеристику новых текстов в составе Служебника 1646 г. см.: [Андреев, с. 98–99].

¹⁰ В этой связи представляется неслучайным тот факт, что тетрадь с дисциплинарным дополнением к «Поучению святительскому» была приплетена к одному из экземпляров Служебника 1651 г. и бытовала в его составе с самого начала в издательском переплете [Андреев, с. 102–103].

шим в Москву представителям Великого княжества литовского к середине 40-х г. XVII в. претерпело определенные перемены. Катехизация и церковное дисциплинарное наставление общества, на которые были направлены деяния «ревнителей благочестия», были во многом созвучны процессам, происходившим в церковной жизни православных кругов Речи Посполитой. В условиях экспансии униатского религиозного просвещения новые труды югозападнорусских авторов и книгоиздателей становились средством противостояния унии и диктовались стремлением защитить основы православной доктрины и традиции православной культуры.

К середине XVII в. украинские и белорусские книжники уже накопили достаточный опыт создания подобных текстов, адресованных как священникам, так и прихожанам, опираясь в своих творениях в том числе на литературные приемы католических схоластиков. В практике католической церкви объяснения сущности христианской доктрины и церковных ритуалов были направлены прежде всего к пастве, прихожанам. Эта оказало воздействие на утверждение устной проповеди в православной традиции Речи Посполитой. Здесь уже в конце XVI – начале XVII в. издатели служебников и требников начали печатать отдельные объяснения последовательности действий священников при отправлении таинств и статьи канонического характера, а с 1620-х гг. в качестве пособий для священников по составлению разъяснений прихожанам церковного действия стали печататься проповеди-образцы на «простой мове» [см. подробнее: Корзо, 2017].

Уникальным изданием, соединившим в себе две ипостаси церковного образовательного процесса – наставления клира и мирян, стал вышедший в 1646 г. Требник Петра Могилы. Книга была подготовлена во исполнение главной цели его пастырской деятельности – очистить церковную службу от погрешностей и униатских влияний и тем защитить церковь от нареканий противников, осуждавших югозападнорусскую православную обрядность за неполноту и неисправность¹¹. Именно поэтому Требник заключает в себе не только подробное изложение чинопоследований и молитв, но и сопровождающие каждое последование наставления для священников догматического, обрядового и схоластического содержания, написанные на церковнославянском языке, а также собранные вместе и напечатанные на «простой мове» образцы проповедей к пастве на крещение, исповедальный обряд и причащение, обряд венчания брака и погребение [см.: Евхологион, ч. 1, с. 900–945].

Практика доктринальных проповедей, обращенных к прихожанам, была чужда московской церковной традиции середины XVII в., адре-

¹¹ Основные работы и библиографию, посвященные доктринально-просветительской деятельности митрополита Петра Могилы и, в частности, Требнику 1646 г., см.: [Голубев; Шманько]; о развитии и трансформации отношений между Москвой и Киевской митрополией к середине XVII в. см.: [Флоря].

сатами новых учительных, толковых и дисциплинарных текстов были именно приходские священники. Московские печатники вводили в круг своих источников как проверенные традицией и уже привлекавшиеся ранее к справе югозападнорусские издания, так и новейшие, только что вышедшие книги, каковым и был Требник Петра Могилы. Несмотря на осторожное отношение в Москве к автору и его труду, издание этой книги в 1646 г. стало знаменательным событием не только для православных Речи Посполитой, но и для церковной жизни Великой Руси. Немалую роль в этом сыграл тот факт, что Требник изначально задумывался как книга, адресованная прежде всего приходскому духовенству [Шманько, с. 65]. Универсальность компендиума позволила московским издателям отыскать в нем пояснения и практические комментарии к служению, созвучные по своей направленности тем задачам, которые определяли деятельность «ревнителей благочестия», и использовать киевское издание в своих целях.

Наиболее ярким примером обращения к Требнику Петра Могилы может служить общее для двух московских книг 1651 г. изменение молебного чина благословления пасхальных яств. В московских служебниках начиная с издания 1602 г. печатались три молитвы на освящение снеди («Господи, прими молитву нашу с приносимыми службами...»; «Призри, Господи Иисусе Христе, на се брашно и на сий агнец от святыни...»; «Единородный Сыне Божий, показавый учеником своим славу своего Божества...») [Служебник, 1602, с. 355–356, гл. 10]; все они известны по древнерусским рукописным служебникам, в том числе XIV–XV вв.¹² В московских требниках начиная с издания 1623 г. чин благословления пасхальных яств открывался дисциплинарным введением («Достоит ведати, яко во святую и великую неделю Пасхи...»), в котором последовательно приводились 99-е правило Шестого вселенского собора о запрете варить в церкви «мясных частей или нечто от животных» и подносить части этой снеди священникам, 3-е правило Святых Апостол о запрете внесения пасхальных брашен в алтарь и затем, вновь со ссылкой на 99-е правило Шестого собора, запрет внесения мяса в церковь и запрет священникам принимать часть от мяса. При этом дисциплинарное введение разрешало вносить в церковь молоко, сыр, мед «и прочая» для освящения, а священникам – принимать часть от этих пасхальных приношений. После введения помещалась одна молитва «над Пасхой в святую и великую неделю», идентичная последней из трех молитв Служебника («Единородный Сыне Божий, показавый учеником своим славу своего Божества...») [Требник, 1623, л. 695–697 об.].

В изданиях Требника и Служебника 1651 г. порядок благословления пасхальных яств изложен одинаково и отлично от прежней традиции каждой книги: дисциплинарное введение содержит только запрет варить мясо в церкви и принимать священникам часть этой снеди;

¹² Искренне благодарю Т. И. Афанасьеву за консультацию по текстам этих молитв.

затем помещены две новые молитвы – над принесенными брашнями («Присети, Господи Боже, на ядения брашен...») и молитва «во еже благословляти сыр и яйца» («Владыко Господи Боже наш, Создателю и Творче всех...»), затем читается третья молитва, известная и ранее по московским изданиям («Единородный Сыне Божий, показавый учеником своим славу своего Божества...»). Перед молитвами приводится общее начало, по их окончании – общий отпуст и описание действий священника – окропление водой и раздача брашен нищим и убогим. Завершает молебный чин дисциплинарная статья («Вестно же буди, яко сицевая принесенная брашна несть Пасха...»), которая разъясняет, что пасхальная снедь не составляет предмет и суть самого праздника, а потому эту снедь нельзя вносить в алтарь и вообще в храм, но нужно благословлять ее вне церкви или в притворе [см.: Служебник, 1651, л. 391 об. –396; Требник, 1651, л. 529–531].

Нет сомнений, что две новые молитвы, указания к правилу и действиям священника, а главное, заключительная дисциплинарная статья в полном объеме были заимствованы из Требника Петра Могилы, в котором напечатан «Чин благословения мяс и иных ядий в святую светлую неделю Пасхи», состоящий именно из этих текстов [Евхологион, ч. 2, с. 220–222]. При составлении нового московского чина тексты молитв редактировались, в том числе с использованием стрятинского Требника 1606 г., и ранее привлекавшегося в Москве для работы над служебными книгами [Андреев, с. 83, 90, 102]. Обращение к этому изданию подтверждается, во-первых, тем, что только в нем помещены подряд (с нумерацией – первая, вторая, третья) все три молитвы над пасхальными яствами [Молитвенник или Требник, л. 527–528 об.], а также совпадение с этим изданием отдельных лексических вариантов в московских текстах молитв. При этом ни указаний к чинопоследованию, ни дисциплинарных статей в стрятинском Требнике нет. Отметим осторожную тактику, которой следовали московские издатели при включении новых чинов и правил в основные богослужебные книги: законодательному введению единогласия в Служебнике 1651 г. предшествовала регламентация этой практики в предисловии к изданию Октоиха 1649 г. [Октоих, л. 8–11; Савельева, 2021, с. 75–77], точно так же обновленный чин освящения пасхальных яств до издания в Служебнике и Требнике 1651 г. был напечатан в пасхальном разделе Триоди цветной 1648 г. [Триодь цветная, 1648, л. 217–218; см. об этом: Андреев, с. 89–90].

Таким образом, текст из опубликованного в декабре 1646 г. киевского Требника уже в начале 1648 г. был включен в состав московской богослужебной книги¹³. В это же время Требник Петра Могилы ис-

¹³ Цикл продержался недолго, в том же виде целиком он печатался еще только в Триоди цветной 1653 г. [Триодь цветная, 1653, л. 213–215]. После реформы патриарха Никона текст из служебников вообще изымался, а в требниках и Триоди цветной трансформировался, лишившись архаичных частей и приблизившись именно к варианту киевского Требника 1646 г.

пользовался при создании печатной Кормчей – из него был взят раздел о тайне супружества [Белякова, Мошкова, Опарина, с. 157–159]. Легитимность Киевского митрополита в кругах московских книгоиздателей в это же время, как и в конце XVII в., подтверждается публикацией Малого катехизиса Петра Могилы, напечатанного на церковнославянском языке [Собрание краткия науки об артикулах веры].

Труды Киевского митрополита, в том числе не совсем «канонический» Требник 1646 г., рассматривались книжниками из окружения Стефана Внифантьева как ценный источник для нравственного и катехизического воспитания священства и паствы, что подтверждается также введением внебогослужебных и внеуставных извлечений из сочинений Петра Могилы в книгу, находившуюся в это время в работе на Печатном дворе. Речь идет о втором сборнике иеромонаха Гедеона «Альфа и Омега», который включает в себя расположенные в алфавитном порядке главы о христианских добродетелях, об иноческом подвиге, о монастырской жизни, келейном и церковном служении. Сборник представляет собой свод многочисленных эксерптов из Писания, сочинений византийских авторов и новогреческих богословов в славяно-русских переводах, оригинальных славяно-русских поучений и других текстов, бытовавших в московской и югозападно-русской книжности; подборки выписок сопровождаются комментариями составителя. Содержание компиляции и мысли ее создателя, направленные на защиту нравственных устоев в христианском мире и следование традициям в церковном служении, вполне соответствовали идеям «ревнителей древлего благочестия». Первоначальный вариант книги на «простой мове», написанный в 1645 г. и адресованный югозападно-русской аудитории, был переработан автором в 1647 г. для московских читателей. Сохранились две писцовые копии, созданные на Печатном дворе, с частичной редактурой и правкой текста [БАН. Архангельское собр. Д. 430; РГБ. Ф. 98. Собр. Егорова. № 1429].

Адаптируя свою книгу для восприятия московской аудиторией, иеромонах Гедеон не только переводит и редактирует исходный вариант сборника, но и вводит в него новые источники на церковнославянском языке, где особое место занимают выдержки из трудов Киевского митрополита. В адаптированный для московского издания текст вводятся обширные цитаты из двух его сочинений, которые иеромонах Гедеон помещает под нейтральными заглавиями. Так, параграф «О разделении грехов», выписанный из предисловия Петра Могилы к киевскому изданию Номоканона [Номоканон, с. 3–6], введен в 14-й главе «О грехе» общей фразой: «При концы сей главы воспомяну о различии греховнем» [Альфа и Омега, 1788, л. 116 об. –118].

Следует отметить обращение иеромонаха Гедеона к только что вышедшему изданию Требника Петра Могилы, цитаты из которого связывают две компиляции, созданные в пограничные периоды становления великорусской доктринальной традиции. В 46-й главе «О начальстве духовных» введена статья «От правил нравоучитель-

ных о священстве», которая описывает нравственные качества и обязанности клирика, готовящегося служить литургию и совершать таинство Евхаристии [Альфа и Омега, 1788, л. 353–354 об.]; в 60-й главе «О распятии Христове» добавлен обширный раздел с толкованием суточного круга богослужения реалиями новозаветной истории [Там же, л. 458–459 об.]. Обе статьи дословно воспроизводят текст Требника Петра Могилы [Евхологион, ч. 1, с. 3, 5–6, 219–220, 222, 225–227, 229–230, 234, 236–237] и примечательны тем, что совпадают с соответствующими эксцерптами из киевского Требника, включенными в компиляцию Евфимия Чудовского [ср.: Горский, Невоструев, с. 454–455], напечатанную впоследствии в варианте «Известия учительного» [Служебник, 1699, л. 2–2 об., 3 об., 7 об. – 10 об., 14–15 об. 5-го счета].

Использование двумя авторами общего источника не было равновеликим и единонаправленным, а подчинялось задачам каждого из них. Иеромонаха Гедеона интересовали исключительно духовно-нравственные качества священника и точность исполнения канонических правил, предписанных ему при отправлении главного христианского таинства. Евфимий Чудовский обращался к Требнику для извлечения из компендиума правил и нюансов евхаристического служения, не прописанных в уставе и, соответственно, не имевших единой регламентации и единого практического исполнения. Не случайно именно этот аспект «Известия учительного» выносится в заглавие отдельных, вне Служебника, изданий текста¹⁴. «Известие учительное» приобретает универсальный характер, сближающий его с московским изданием «Поучения святительского новопоставленному иерею» не только тем, что прописывает соответствующий апостольскому правилу образ приступающего к таинству служителя, но и тем, что, как и издание 1649 г., завершается правилом приготовления священника к евхаристическому служению.

Случайны или нет эти параллели и дословные совпадения в текстах, созданных с разницей в полвека, ответить невозможно. Но тот факт, что первый этап работы Евфимия Чудовского на Печатном дворе приходится на начало 50-х г. XVII в. [Сиромеха, с. 23–27], позволяет с вниманием отнестись к такого рода случайностям. Не исключена возможность знакомства Евфимия с находившимися в московской типографии списками сборника «Альфа и Омега», особенно если учесть, что сохранились еще три высокохудожественные копии этого готовившегося к изданию варианта сборника, созданные в придворных кругах в 1670-е гг. [Савельева, 2022а, с. 1471]. Существенно, что один из списков, сделанных для работы справщиков над изданием книги [БАН. Архангельское собр. Д. 430], впоследствии оказался в руках Паисия, казначея патриарха Адриана. Возможно, текст Требника

¹⁴ См.: «Известие решительное о бедственных и недоуменных случаях, и како иерею, и диакону, и прочим в том исправлятися» [Гусева, с. 118–119, № 362–365]; издание выпускалось в 8-ю долю листа, что делало его более удобным в качестве подручного пособия в повседневной служебной практике клириков.

Петра Могилы, изначально привлечший внимание Евфимия Чудовского, был узанан и отмечен им в сборнике западнорусского автора, что способствовало более пристальному взгляду московского справщика на киевский источник. Интерес Евфимия Чудовского к трудам, имевшим югозападнорусское происхождение и обращавшимся у справщиков из окружения Стефана Внифантьева, подтверждается абсолютно достоверно. Именно такой источник – острожский перевод трактата Гавриила Филадельфийского «О семи тайнах церковных» – был положен Евфимием Чудовским в основу его работы над изданием этого сочинения в составе московской Скрижали 1656 г. [см.: Савельева, 2022b].

Круг замыкается, заключая в себе новые, более ранние сведения о поисках московскими интеллектуалами путей дисциплинарного и доктринального просвещения клира через апелляцию к соседней духовно и конфессионально близкой традиции, несмотря на все особенности ее формирования. Так же, как в середине XVII в. в московских просвещенных кругах отстаивался и использовался авторитет киевского ученого священства, так и в конце XVII в. легитимность богословов вновь присоединенной к Московскому патриархату митрополии подтверждается трудами адептов, способных, вопреки сомнениям восточных патриархов, оценить ученость и эрудицию как новый опыт доктринального просвещения.

Очевидно сходство двух культурно-исторических срезов в отношении к посреднической роли югозападнорусской традиции в формировании московской религиозно-просветительской доктрины середины и конца XVII в. Как украинские и белорусские богословы стремились обогатить свои доводы и пояснения приемами и аргументацией доктринально чуждой религиозно-просветительской традиции, так и московские традиционалисты и консерваторы выступали новаторами, привлекая для достижения своих целей плоды иноконфессионального просвещения. И в этом усвоении югозападнорусской посреднической миссии важную роль играли реальные носители культуры-посредницы и их великорусские последователи, которые стремились найти убедительные и подчас компромиссные способы доведения нового материала до московских просвещенных реципиентов.

Архивы / Archives

БАН – Библиотека Российской академии наук [Library of the Russian Academy of Sciences]. Архангельское собр. Д. 430.

ГИМ – Государственный исторический музей [State Historical Museum]. Син. 132; 683 (296); 433 (297); 567 (298).

РГБ – Российская государственная библиотека [Russian State Library]. Ф. 98. Собр. Егорова. № 1429.

РНБ – Российская национальная библиотека [National Library of Russia]. ОРК III.6.21a; III.6.21b.

Библиографические ссылки / References

- Альфа и Омега / Гедеон, иером. Вильно : Тип. Его Королевского Величества Станислава Августа, 1786. 302 л.
- Альфа и Омега / Гедеон, иером. Супрасль : Тип. Благовещен. монастыря, 1788. 685 л.
- Андреев А. А.* Печатные издания Службника и Требника в Москве в первой половине XVII в.: вопросы состава // Вестн. Екатеринбург. духов. семинарии. 2021. № 35. С. 66–115. DOI 10.24412/2224-5391-2021-35-66-115.
- Белякова Е. В., Мошкова Л. В., Опарина Т. А.* Кормчая книга: от рукописной традиции к первому печатному изданию. М. ; СПб. : Центр гуманитар. инициатив, 2017. 496 с.
- Буланин Д. М.* Евфимий, келарь Чудова монастыря // Словарь книжников и книжности Древней Руси : в 4 вып. СПб. : Дмитрий Буланин, 2004. Вып. 3, Ч. 4. С. 695–698.
- Буланин Д. М.* У истоков классического образования в Москве : (Памятник братьям Лихудам) // Schnittpunkt Slavistik. Ost und West im wissenschaftlichen Dialog : Festgabe für Helmut Keipert zum 70. Geburtstag. Teil 1. Slavistik im Dialog – einst und jetzt / Hrsg. von I. Podtergera. Göttingen : V&R Unipress, 2012. С. 159–186.
- Булычев А. А.* Иоаким // Православная энциклопедия. М. : Правосл. энцикл., 2010. Т. 23. С. 138–148.
- Вознесенский А. В.* Об одном издательском проекте патриарха Иосифа: Поучение святительское новопоставленному иерею 1649 года // Literarum fructus : сб. ст. к 60-летию С. И. Николаева / под ред. Н. Ю. Алексеевой и Н. Д. Кочетковой. СПб. : Альянс-Архео, 2012. С. 39–52.
- Голубев С. Т.* Киевский митрополит Петр Могила и его сподвижники: опыт исторического исследования : [в 2 т.]. Киев : Тип. Г. Т. Корчак-Новицкаго, 1883. Т. 1. XII, 559, XV, 576 с.; 1898. Т. 2, 524, 498, 29 с.
- Горский А. В., Невоструев К. И.* Описание славянских рукописей московской Синодальной библиотеки. М. : Синод. тип., 1862. Отд. 2, ч. 3. 2, VIII, 842, 2 с.
- Гусева А. А.* Свод русских книг кирилловской печати XVIII века типографий Москвы и Санкт-Петербурга и универсальная методика их идентификации. М. : Индрик, 2010. 1251 с.
- Дмитриевский А. А.* Исправление книг при патриархе Никоне и последующих патриархах / подг. текста А. Г. Кравецкого. М. : Языки славян. культур, 2004. 158 с.
- Евхологион albo Молитвословь или Требникъ... : [в 3 ч.] / [Петр Могила]. Київ : Друкарня лаври, 1646. Ч. 1. 20, 890, 900–946 с. Ч. 2. 4, 263 с. Ч. 3. 2, 430 с.
- Живов В. М.* Из церковной истории времен Петра Великого : Исследования и материалы. М. : Новое лит. обозрение, 2004. 360 с.
- Зернова А. С.* Книги кирилловской печати, изданные в Москве в XVI–XVII веках : сводный каталог / под ред. Н. П. Киселева. М. : ГБЛ, 1958. 152 с.
- Иоанн Златоуст.* Беседы на Деяния святых апостолов. Киев : Тип. лавры, 1624. 534 с.
- Исаченко-Лисовая Т. А.* Евфимий // Словарь книжников и книжности Древней Руси : в 4 вып. СПб. : Дмитрий Буланин, 1993. Вып. 3, ч. 1. С. 287–296.
- Книга о вере / [Гедеон, иером.]. М. : Печ. двор, 1648. 1, 289 л.
- Корзо М. А.* О некоторых изданиях Киевской митрополии в рукописном наследии Евфимия Чудовского // Славяноведение. 2014. № 2. С. 88–98.
- Корзо М. А.* Православная проповедь в Речи Посполитой XVII в.: некоторые наблюдения // Slovĕne. 2017. № 2. С. 579–596. DOI 10.31168/2305-6754.2017.6.2.25.
- Лукиянова Е. В.* Московские кирилловские издания в собраниях РГАДА : каталог : в 3 вып. М. : Индрик, 2002. Вып. 2. 1626–1650. 376 с.
- Молитвенник или Требник. Стратин : Тип. Федора Балабана, 1606. 696 л.
- Николаевский П. Ф.* Московский печатный двор при патриархе Никоне // Христианское чтение. 1890. № 1–2. С. 114–141; № 9–10. С. 334–467; 1891. № 1–2. С. 147–186; № 7–8. С. 151–186.
- Номоканон. Киев : Тип. лавры, 1629. [16], 175 с.
- Октоих : [в 2 ч.]. М. : Печ. двор, 1649. Ч. 1. 474 л. Ч. 2. 445 л.

[Петр Могила]. Православное исповедание веры соборныя и апостольския церкви восточныя. М. : Печ. двор, 1696. 117 л.

Петровский А. В. Учительное Известие при славянском Служебнике // Христианское чтение. 1911. № 4. С. 552–572; № 7–8. С. 917–936; № 10. С. 1206–1221.

Поучение святительское новопоставленному иерею. М. : Печ. двор, 1649. 10, [4] л.

Румянцева В. С. Народное антицерковное движение в России в XVII веке. М. : Наука, 1986. 264 с.

Савельева Н. В. Споры о единогласном пении и московское издание Октоиха 1649 года // Рус. лит. 2021. № 4. С. 65–77. DOI 10.31860/0131-6095-2021-4-65-77.

Савельева Н. Издательская политика Московского печатного двора: от «Книги о вере» до «Анфологиона» // Quaestio Rossica. 2022a. Т. 10, № 4. С. 1463–1482. DOI 10.15826/qr.2022.4.741.

Савельева Н. В. История московского перевода трактата Гавриила Филадельфийского «О семи тайнах церковных»: Исследование и тексты. М. ; СПб. : Альянс-Архео, 2022b. 288 с.

Сиромаха В. Г. Книжные справщики Печатного двора 2-й половины XVII в. // Старообрядчество в России (XVII–XX века). М. : Языки рус. культуры, 1999. С. 15–44.

Скворцов Г. А. Патриарх Адриан : Его жизнь и труды в связи с состоянием Русской Церкви в последнее десятилетие XVII в. Казань : Центр. тип., 1913. [2], VI, 370, VI с.

Служебник / печ. Андроник Тимофеев Невежа. М. : [Печ. двор], 1602. [452] л.

Служебник. М. : Печ. двор, 1646. 651 л.

Служебник. М. : Печ. двор, 1651. 456 л.

Служебник. М. : Печ. двор, 1699. 352 л.

Служебник. М. : Изд. Моск. патриархии, 2023. 560 с.

Собрание краткия науки об артикулах веры / [Петр Могила]. М. : Печ. двор, 1649. 88 л.

Требник. М. : Печ. двор, 1623. 783 л.

Требник, М. : Печ. двор, 1651. 688 л.

Триодь цветная. М. : Печ. двор, 1648. 588 л.

Триодь цветная. М. : Печ. двор, 1653. 608 л.

Флоря Б. Н. Киевский митрополит Петр (Могила) и русская власть: Эволюция взаимоотношений // Вестн. церковной истории. 2013. № 1/2 (29/30). С. 179–187.

Флоря Б. Н., Тимошенко Л. В. Петр (Могила) // Православная энциклопедия. М. : Правосл. энцикл., 2019. Т. 55. С. 570–580.

Хриссидис Н. Академия при царском дворе: греческие ученые и иезуитское образование в России раннего Нового времени / пер. с англ. Н. Эдельмана. М. : Новое лит. обозрение, 2023. 440 с.

Шманько Т. Київський Требник 1646 року: передумови і обставини створення // Studia o kulturze cerkiewnej w dawnej Rzeczypospolitej. Kraków : Scriptum, 2019. Т. 2. С. 45–68.

Andreev, A. A. (2021). Pechatnye izdaniya Sluzhebника i Trebnika v Moskve v pervoi polovine XVII v.: voprosy sostava [Printed Editions of the *Sluzhebnik* and *Trebnik* in Moscow in the First Half of the 17th Century: Issues of Composition]. In *Vestnik Ekaterinburgskoi dukhovnoi seminarii*. No. 35, pp. 66–115. DOI 10.24412/2224-5391-2021-35-66-115. (In Rus.)

Belyakova, E. V., Moshkova, L. V., Oparina, T. A. (2017). *Kormchaya kniga: ot rukopisnoi traditsii k pervomu pechatnomu izdaniyu* [The *Kormchaya Kniga*: From the Manuscript Tradition to the First Printed Edition]. Moscow, St Petersburg, Tsentr gumanitarnykh initsiativ. 496 p. (In Rus.)

Bulanin, D. M. (2004). Evfimii, kelar' Chudova monastyrya [Evfimiy, Cellarer of the Chudov Monastery]. In *Slovar' knizhnikov i knizhnosti Drevnei Rusi v 4 vyp.* St Petersburg, Dmitrii Bulanin, Iss. 3. Part. 4, pp. 695–698. (In Rus.)

Bulanin, D. M. (2012). U istokov klassicheskogo obrazovaniya v Moskve (Pamyatnik brat'yam Likhudam) [At the Origins of Classical Education in Moscow (Monument to the Likhud Brothers)]. In Podtergera, I. (Ed.). *Schnittpunkt Slavistik. Ost und West im*

wissenschaftlichen Dialog. Festgabe für Helmut Keipert zum 70. Geburtstag. Teil 1: Slavistik im Dialog – einst und jetzt. Gottingen, V&R Unipress, pp. 159–186. (In Rus.)

Bulychev, A. A. (2010). Ioakim [Joachim]. In *Pravoslavnaya entsiklopediya*. Moscow, Pravoslavnaya entsiklopediya. Vol. 23, pp. 138–148. (In Rus.)

Dmitrievskii, A. A. (2004). *Ispravlenie knig pri patriarkhe Nikone i posleduyushchikh patriarkhakh* [Correction of Books under Patriarch Nikon and Subsequent Patriarchs] / ed. by A. G. Kravetskii. Moscow, Yazyki slavyanskikh kul'tur. 158 p. (In Rus.)

Florya, B. N. (2013). Kievskii mitropolit Petr (Mogila) i russkaya vlast': Evolyutsiya vzaimootnoshenii [Kiev Metropolitan Peter (Mogila) and the Russian Authorities: Evolution of Relations]. In *Vestnik tserkovnoi istorii*. No. 1/2 (29/30), pp. 179–187. (In Rus.)

Florya, B. N., Timoshenko, L. V. (2019). Petr (Mogila) [Peter (Mogila)]. In *Pravoslavnaya entsiklopediya*. Moscow, Pravoslavnaya entsiklopediya. Vol. 55, pp. 570–580. (In Rus.)

Gedeon, hieromonk. (1648). *Kniga o vere* [Book on Faith]. Moscow, Pechatnyi dvor. [1], 289 l. (In Rus.)

Gedeon, hieromonk. (1786). *Al'fa i Omega* [Alpha and Omega]. Vil'no, Tipografiya Ego Korolevskogo Velichestva Stanislava Avgusta. [2], 2, [3], 302 l. (In Rus.)

Gedeon, hieromonk. (1788). *Al'fa i Omega* [Alpha and Omega]. Suprasl', Blagoveshchenskii monastyr'. 685 l. (In Rus.)

Golubev, S. T. (1883, 1898). *Kievskii mitropolit Petr Mogila i ego spodvizhniki: opyt istoricheskogo issledovaniya* [Metropolitan of Kiev Peter Mogila and His Associates: An Attempt at Historical Research]. Kiev, Tipografiya G. T. Korchak-Novitskago. Vol. 1. XII, 559, XV, 576 p.; Vol. 2, 524, 498, [29] p. (In Rus.)

Gorskii, A. V., Nevostruev, K. I. (1862). *Opisanie slavyanskikh rukopisei moskovskoi Sinodal'noi biblioteki* [Description of Slavic Manuscripts of the Moscow Synodal Library]. Moscow, Sinodal'naya tipografiya. Section 2. Part 3. [2], VIII, 842, [2] p. (In Rus.)

Guseva, A. A. (2010). *Svod russkikh knig kirillovskoi pechati XVIII veka tipografii Moskvyy i Sankt-Peterburga i universal'naya metodika ikh identifikatsii* [Collection of Russian Books of the Cyrillic Printing of the 18th Century of the Printing Houses of Moscow and St Petersburg and a Universal Method of Their Identification]. Moscow, Indrik. 1251 p. (In Rus.)

Isachenko-Lisovaya, T. A. (1993). Evfimii [Evfimy]. In *Slovar' knizhnikov i knizhnosti Drevnei Rusi v 4 vyp.* St Petersburg, Dmitrii Bulanin. Iss. 3. Part. 1, pp. 287–296. (In Rus.)

John Chrysostom. (1624). *Besedy na Deyaniya svyatykh apostolov* [Sermons on the Acts of the Holy Apostles]. Kiev, Tipografiya lavry. 534 p. (In Rus.)

Khrissidis, N. (2023). *Akademiya pri tsarskom dvore: grecheskie uchenye i iezuitskoe obrazovanie v Rossii ranнего Novogo vremeni* [An Academy at the Tsar's Court: Greek Scholars and Jesuit Education in Early Modern Russia] / transl. by N. Edel'man. Moscow, Novoe literaturnoe obozrenie. 440 p. (In Rus.)

Korzo, M. A. (2014). O nekotorykh izdaniyakh Kievskoi mitropolii v rukopisnom nasledii Evfimiya Chudovskogo [On the Deeds of the Kyiv Metropolitanate in the Manuscript Book of Evfimy Chudovsky]. In *Slavyanovedenie*. No. 2, pp. 88–98. (In Rus.)

Korzo, M. A. (2017). Pravoslavnaya propoved' v Rechi Pospolitoi XVII v.: nekotorye nablyudeniya [Orthodox Preaching in the Polish-Lithuanian Commonwealth in the 17th Century: Some Observations]. In *Slověne*. No. 2, pp. 579–596. (In Rus.)

Luk'yanova, E. V. (2002). *Moskovskie kirillovskie izdaniya v sobraniyakh RGADA. Katalog v 3 vyp.* [Moscow Cyrillic Publications in the Collections of the Russian State Archive of Ancient Acts. Catalogue. 3 Issues]. Moscow, Indrik. Iss. 2. 1626–1650. 376 p. (In Rus.)

Molitvennik ili Trebnik [Prayer Book or Trebnik]. (1606). Stryatin, Tipografiya Fedora Balabana. 696 l. (In Rus.)

Nikolaevskii, P. F. (1890). *Moskovskii pechatnyi dvor pri patriarkhe Nikone* [Moscow Print Yard under Patriarch Nikon]. In *Khristianskoe chtenie*. No. 1–2, pp. 114–141; No. 9–10, pp. 334–467; (1891). No. 1–2, pp. 147–186; No. 7–8, pp. 151–186. (In Rus.)

- Nomokanon* (1629). Kiev, Tipografiya lavry. [16], 175 p. (*In Rus.*)
- Oktoikh v 2 ch.* [The Octoechos. 2 Parts]. (1649). Moscow, Pechatnyi dvor. Vol. 1. 474 l.; Vol. 2. 445 l. (*In Rus.*)
- Peter Mogila. (1646). *Evkhologion albo Molitvoslov ili Trebnik v 3 ch.* [Euchologion or Prayer Book or Trebnik]. Kiïv, Drukarnya lavri. Vol. 1. [20], 890, 900–946 p.; Vol. 2. [4], 263 p.; Vol. 3. [2], 430 p. (*In Rus.*)
- Peter Mogila. (1649). *Sobranie kratkiya nauki ob artikulakh very* [Concise Collection of Scholarship on the Issues of Faith]. Moscow, Pechatnyi dvor. 88 l. (*In Rus.*)
- Peter Mogila. (1696). *Pravoslavnoe ispovedanie very sobornyya i apostol'skiya tserkvi vostochnyya* [Orthodox Confession of Faith of the Catholic and Apostolic Church of the East]. Moscow, Pechatnyi dvor. 117 l. (*In Rus.*)
- Petrovskii, A. V. (1911). Uchitel'noe Izvestie pri slavyanskom Sluzhebнике [Teaching Notice in the Slavonic *Sluzhebnik*]. In *Khristianskoe chtenie*. No. 4, pp. 552–572; No. 7–8, pp. 917–936; No. 10, pp. 1206–1221. (*In Rus.*)
- Pouchenie svyatitel'skoe novopostavlennomu iereyu* [Precepts of the Prelate to a Newly Ordained Priest]. (1649). Moscow, Pechatnyi dvor. 10, [4] l. (*In Rus.*)
- Rumyantseva, V. S. (1986). *Narodnoe antitserkovnoe dvizhenie v Rossii v XVII veke* [Popular Anti-Church Movement in 17th-Century Russia]. Moscow, Nauka. 264 p. (*In Rus.*)
- Savelyeva, N. (2022a). Izdatel'skaya politika Moskovskogo pechatnogo dvora: ot “Knigi o vere” do “Anfologiona” [The Publishing Policy of the Moscow Print Yard: From *The Book on Faith to Anthologion*]. In *Quaestio Rossica*. Vol. 10. No. 4, pp. 1463–1482. DOI 10.15826/qr.2022.4.741. (*In Rus.*)
- Savelyeva, N. V. (2021). Spory o edinoglasnom penii i moskovskoe izdanie Oktoikhka 1649 goda [Disputes about Monodical Singing and the Moscow Edition of the *Octoechos* of 1649]. In *Russkaya literatura*. No. 4, pp. 65–77. DOI 10.31860/0131-6095-2021-4-65-77. (*In Rus.*)
- Savelyeva, N. V. (2022b). *Istoriya moskovskogo perevoda traktata Gavriila Filadel'fiiskogo “O semi tainakh tserkovnykh”*. *Issledovanie i teksty* [History of the Moscow Translation of Gabriel of Philadelphia's Treatise *On the Seven Mysteries of the Church*. Research and Texts]. Moscow, St Petersburg, Al'yans-Arkheo. 288 p. (*In Rus.*)
- Shman'ko, T. (2019). Kiïvs'kii Trebnik 1646 roku: peredumovi i obstavini stvorennyya [Kyiv Trebnik in 1646: Prerequisites and Circumstances of Creation]. In *Studia o kulturze cerkiewnej w dawnej Rzeczypospolitej*. Kraków, Scriptum. Vol. 2, pp. 45–68. (*In Ukrainian.*)
- Siromakha, V. G. (1999). Knizhnye spravshchiki Pechatnogo dvora 2-i poloviny XVII v. [Book Editors of the Printing House in the Second Half of the 17th Century]. In *Staroobryadchestvo v Rossii (XVII–XX veka)*. Moscow, Yazyki russkoi kul'tury, pp. 15–44. (*In Rus.*)
- Skvortsov, G. A. (1913). *Patriarkh Adrian: Ego zhizn' i trudy v svyazi s sostoyaniem Russkoi Tserkvi v poslednee desyatiletie XVII v.* [Patriarch Adrian: His Life and Works in Connection with the State of the Russian Church in the Last Decade of the 17th Century]. Kazan, Tsentral'naya tipografiya. [2], VI, 370, VI p. (*In Rus.*)
- Sluzhebnik* [Sluzhebnik]. (1602). Moscow, Pechatnyi dvor. 452 l. (*In Rus.*)
- Sluzhebnik* [Sluzhebnik]. (1646). Moscow, Pechatnyi dvor. 651 l. (*In Rus.*)
- Sluzhebnik* [Sluzhebnik]. (1651). Moscow, Pechatnyi dvor. 456 l. (*In Rus.*)
- Sluzhebnik* [Sluzhebnik]. (1699). Moscow, Pechatnyi dvor. 352 l. (*In Rus.*)
- Sluzhebnik* [Sluzhebnik]. (2023). Moscow, Moskovskaya patriarkhiya. 560 p. (*In Rus.*)
- Trebnik* [Trebnik]. (1623). Moscow, Pechatnyi dvor. 783 l. (*In Rus.*)
- Trebnik* [Trebnik]. (1651). Moscow, Pechatnyi dvor. 688 l. (*In Rus.*)
- Triod' tsvetnaya* [The Flowery, or Festal Triodion]. (1648). Moscow, Pechatnyi dvor. 588 l. (*In Rus.*)
- Triod' tsvetnaya* [The Flowery, or Festal Triodion]. (1653). Moscow, Pechatnyi dvor. 608 l. (*In Rus.*)
- Voznesenskii, A. V. (2012). Ob odnom izdatel'skom proekte patriarkha Iosifa: Pouchenie svyatitel'skoe novopostavlennomu iereyu 1649 goda [About One Publication of Patriarch Joseph: *Precepts of the Prelate to a Newly Ordained Priest* Printed in 1649].

In Alekseeva, N. Yu., Kochetkova, N. D. (Eds.). *Literarum Fructus. Sbornik statei k 60-letiyu S. I. Nikolaeva*. St Petersburg, Al'yans-Arkheo, pp. 39–52. (In Rus.)

Zernova, A. S. (1958). *Knigi kirillovskoi pechati, izdannye v Moskve v XVI–XVII vekakh. Svodnyi katalog* [Books of Cyrillic Printing Published in Moscow in the 16th–17th Centuries. Consolidated Catalogue] / ed. by N. P. Kiselev. Moscow, Gosudarstvennaya biblioteka Lenina. 152 p. (In Rus.)

Zhivov, V. M. (2004). *Iz tserkovnoi istorii vremen Petra Velikogo: Issledovaniya i materialy* [From the Church History of the Time of Peter the Great: Research and Materials]. Moscow, Novoe literaturnoe obozrenie. 360 p. (In Rus.)

The article was submitted on 07.08.2024